

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 3, pp. 581–594, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-581-594

«Сталин и Мао слушают вас»: образы лидеров СССР и КНР на страницах журнала «Огонек» (1949–1953 гг.)

Андрей Александрович Авдашкин¹, Игорь Вячеславович Сибиряков², Татьяна Витальевна Раева³

¹ Южно-Уральский государственный университет (д. 76, пр. Ленина, 454080 Челябинск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-8169-2755. E-mail: adrianmaricka@mail.ru

² Южно-Уральский государственный университет (д. 76, пр. Ленина, 454080 Челябинск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0003-0984-4333. E-mail: sibirjkovig@mail.ru

³ Южно-Уральский государственный университет (д. 76, пр. Ленина, 454080 Челябинск, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-4126-2096. E-mail: 7901634@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2021

© Авдашкин А. А., Сибиряков И. В., Раева Т. В., 2021

Аннотация. Цель статьи заключается в выявлении того, как происходило формирование образов Сталина и Мао Цзэдуна в текстах центральной советской печати о КНР и советско-китайской дружбе. Обращение к технологии конструирования данных образов позволит ответить на следующие проблемные вопросы: как и какие представления о политических лидерах транслировались советской аудитории, существовала ли динамика этих образов, и, если существовала, то чем она определялась. *Материалы и методы.* Основу источниковой базы статьи составили выпуски журнала «Огонек» октября 1949 – марта 1953 гг. Авторский коллектив интересовали не только текстовые упоминания, но и изображения Сталина и Мао. Исследовательской оптикой являлась историческая имагология, позволившая рассматривать образы как сложные синтетические конструкции, которые создавались с учетом внутренних и внешних факторов развития советского общества (политическая культура, особенности репрезентации в сфере международных отношений и др.). Для верификации и детализации образов привлекался иллюстративный материал. *Результаты.* Материалы журнала «Огонек» о советско-ки-

тайской дружбе содержали существенные массивы текстов и визуальных дополнений, где центральными персонажами являлись Мао и Сталин. Их тематическое распределение показало, что главными сюжетами являлись советско-китайская дружба, описание иерархии отношений, трактуемой как «учитель–ученик», масштабные и успешные социалистические преобразования в Китае и др. *Выводы.* Персонификация образов глав КНР и СССР, с одной стороны, была призвана сформировать позитивное отношение к основному союзнику, а с другой — легитимировать лидирующие позиции СССР не только в советско-китайском взаимодействии, но и в социалистическом лагере в целом. Главенствующая роль Мао в динамичных преобразованиях китайского общества подтверждала советской аудитории верность модели развития самого Советского Союза. Массированная презентация добровольной готовности китайской стороны следовать «сталинским» шаблонам развития служила маркером управляемости «большой дружбы» со стороны Москвы.

Ключевые слова: Советский Союз, Китай, советско-китайские отношения, социалистический лагерь, И. В. Сталин, Мао Цзэдун, образ, историческая имагология, пресса

Благодарность. Исследование проведено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта № FENU-2020-0021 (номер государственной регистрации № АААА-А20-120072890030-2).

Для цитирования: Авдашкин А. А., Сибиряков И. В., Раева Т. В. «Сталин и Мао слушают вас»: образы лидеров СССР и КНР на страницах журнала «Огонек» (1949–1953 гг.) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 3. С. 581–594. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-581-594

“Stalin and Mao are listening to you”: Images of the Leaders of the USSR and the PRC on the Pages of the Magazine “Ogonyok” (1949–1953)

Andrey A. Avdashkin¹, Igor V. Sibiriyakov², Tatyana V. Raeva³

¹ South Ural State University (76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8169-2755. E-mail: adrianmaricka@mail.ru

² South Ural State University (76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0003-0984-4333. E-mail: sibirjkovig@mail.ru

³ South Ural State University (76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-4126-2096. E-mail: 7901634@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Avdashkin A. A., Sibiriyakov I. V., Raeva T. V., 2021

Abstract. *The aim* of the article is to examine the process of constructing the images of Stalin and Mao Zedong in the material of Soviet central newspapers on the themes of the Peoples’ Republic of China (PRC) and Soviet-Chinese friendship. Our focus on the techniques of such constructions allow for dealing with a number of research issues, such as which conceptions of the political leaders were rendered to the Soviet audiences and in which way was this implemented; was there a potential for dynamics in treating the subjects and if this was the case what were the factors that played a role in such dynamics. *Data and methods.* For our database of primary sources we have chosen the “Ogonyok” issues published in the period between October 1949 and March 1953. The authors of the present article were interested in references in the magazine texts but also in the images of Stalin and Mao. Hence, the research lens of historical imagology allowed us to examine the images under study as complex synthetical constructions, the constructions that were impacted by inner and outer factors in play in the Soviet society itself, including its political culture, the specific features of representations in the sphere of international relations, etc. The illustrative material was used for

the sake of further verification and detailization. *Results.* The "Ogonyok" material on the theme of Soviet-Chinese friendship included a considerable amount of texts and their visual supplements, with Stalin and Mao as their central personages. The thematical distribution of the database has shown that its main themes are Soviet-Chinese friendship described in hierarchical terms as the "teacher-pupil" relationship, the achievements of socialist transformation in China, etc. *Conclusions.* The personification of the images of the leaders of the USSR and the PRC was designed to promote the positive attitudes towards the main Soviet ally, on the one hand, and, on the other hand, to contribute to the legitimization of the USSR's leading position not only in the Soviet-Chinese interaction, but in the whole of the Socialist world as well. Mao's leading role in the transformations of the Chinese society confirmed to the Soviet audiences the correctness of the development model in the Soviet Union itself. Numerous presentations of the good will with which the Chinese side was ready to follow the "Stalin recipe" in building socialism served as a marker that the "great friendship" was under Moscow's control.

Keywords: Soviet Union, China, Soviet-Chinese relations, socialist world, I.V. Stalin, Mao Zedong, image, historical imagology, press

Acknowledgements. The reported study was funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation — project no. FENU-2020-0021 (state reg. no. AAAA-A20-120072890030-2).

For citation: Avdashkin A. A., Sibiryakov I. V., Raeva T. V. «Stalin and Mao are listening to you»: Images of the Leaders of the USSR and the PRC on the Pages of the Magazine «Ogonyok» (1949–1953). *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14 (3): 581–594. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2021-55-3-581-594

Введение

К важной презентационной составляющей советско-китайской дружбы на ее начальном этапе относятся образы Иосифа Сталина и Мао Цзэдуна. На пике советско-китайской дружбы в 1949 г. была написана песня «Москва – Пекин», служившая символом этих отношений. Текст содержал ключевые образы того времени и слова: «Русский с китайцем — братья навек», «Сталин и Мао слушают нас». Лидеры двух стран стали своеобразными символами коммунистической идеологии, воплощали не только определенный образ будущего, но также отражали внутри- и внешнеполитический курс [Samoylov 2020: 373].

Их репрезентации формировались в сложном историческом контексте: обе страны переживали период восстановления после мировой войны и одновременно становились центральными акторами нового биполярного противостояния. Политическая элита обеих стран влияла на стратегические направления развития и тактические ориентиры, которые актуализировались через представления о главах коммунистических государств, персонифицирующих «сферы страхов и надежд» населения [Morgan 2017].

Образы вождей, содержащиеся в массовом сознании советских граждан, во многом определяли отношение к восточному соседу и легитимировали идеологическое и политическое доминирование СССР в рамках социалистического лагеря и советско-китайского альянса [Jersild 2011].

В последние годы советско-китайской дружбе посвящено немало научных исследований [Дружба навеки... 2018]. В сфере интересов ученых оказываются презентации отношений СССР и КНР в кинематографе [Chen 2004; Li 2019], журнальных изданиях и карикатурах [Гулева 2015], плакатах [Федосов 2017], периодике [Павлюкевич 2011], а также при организации и проведении различных выставок [Jersild 2018].

Однако общее представление о советско-китайских отношениях характеризуется мозаичностью и наличием множества лакун. К таким пробелам относятся образы глав двух государств, которые практически не изучались с точки зрения специфики их формирования у различных групп населения (один из редких примеров см.: [Рущинская 2020]). Неясно, как и какие образы политических лидеров транслировались советскими СМИ, существовала ли динамика образов, и, если существовала, то какими

событиями и процессами она определялась. Предполагается, что та модель отношений между СССР и Китаем, которая формировалась и транслировалась в общественное сознание двух стран через образы Сталина и Мао, могла служить матрицей коммуникаций между народами и государствами в целом. При этом реальные «отношения» лидеров двух государств мало напоминали картины, созданные пропагандистским аппаратом [Галенович 2009; Pantsov, Levine 2012; Heinzig 2015].

В научный оборот только вводится массивный пласт эмпирики, позволяющей переосмыслить известные сюжеты советской действительности и периода «большой дружбы» в новых ракурсах. Такими источниками могут стать советские иллюстрированные периодические издания и печать стран восточного блока (см.: [Urbansky, Trecker 2018; Литовская, Янь 2019; Клинова, Трофимов 2020]).

Образование КНР, активизация советско-китайских отношений, растущая роль азиатского региона в мире, привели к тому, что упоминания о Китае стали все чаще появляться на страницах разнообразных советских изданий. Это объяснялось не только стремлением информировать читателей о мировых событиях, формировать дружественный образ соседней страны, но и необходимостью вписать происходящее в Китае в метарассказ о социализме.

Цель статьи — проследить формирование образов Сталина и Мао Цзэдуна в текстах центральной прессы о КНР и советско-китайской дружбе на примере еженедельного общественно-политического и литературно-художественного журнала «Огонек». Хронологические рамки включают период октября 1949 г., т. е. с момента объявления о создании КНР, и до смерти И. В. Сталина в марте 1953 г. После его смерти традиционные «лидерские» сюжеты в изображении советско-китайской дружбы постепенно исчезают [Федосов 2017: 138].

В дальнейшем руководство КНР все более явно позиционирует себя как одного из лидеров коммунистического лагеря и оспаривает позиции преемников Сталина в идеологических вопросах (см.: [Wang 2000; Shen, Yafeng 2011; Li 2011; Gnoinska 2018; Marku 2020]).

Материалы и методы

Основу источниковой базы составили выпуски журнала «Огонек». В исследуемый период главным редактором был советский поэт и партийный функционер А. А. Сурков. Журнал выходил в издательстве «Правда», его цена в 1953 г. составляла 3 рубля за номер. Аудиторию «Огонька» конца 1940-х – 1960-х гг. представляла городская образованная часть населения СССР, которая могла позволить себе приобрести его в розницу, либо читать выпуски в библиотеках. В октябре 1949 г. тираж журнала составлял 381 тыс. экземпляров. В 1953 г. номера, посвященные смерти И. В. Сталина, выходили в количестве 550 тыс. экземпляров.

Материалы этого одного из крупнейших иллюстративных советских журналов могут стать основой для достоверной реконструкции ключевых образов политических лидеров в контексте советско-китайской дружбы. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. в текстах и фотопубликациях журнала презентовались успехи советской промышленности и сельского хозяйства, наглядно демонстрировались масштабы строительства нового мира и героика труда. Значительную роль в этих достижениях, с точки зрения партийных идеологов, агитаторов и пропагандистов, играли политические лидеры не только самого СССР, но и стран народной демократии. Победы и успехи, достигнутые в деле построения социализма, в силу определенной культурно-исторической традиции жестко персонифицировались. В средствах массовой информации исследуемого периода эта идеологема отразилась с максимальной полнотой.

Нас интересовали не только текстовые упоминания, но и изображения И. В. Сталина и Мао Цзэдуна в материалах о Китае и советско-китайской дружбе. Журнал «Огонек» начал издаваться в СССР с 1923 г. и стал одним из первых советских изданий, который размещал материал в жанре фотопублицистики. На его страницах эффективно применялась визуальная пропаганда, направленная на эмоционально-образное воздействие на читателя. При работе с исходными данными мы ориентировались на изучение объемов, насыщенности и тематического разнообразия текстов и визуальных дополнений к ним. Интерес представ-

лял контекст упоминания лидеров СССР и КНР, созданные образы, а также способы и приемы их конструирования. Именно поэтому авторами настоящего исследования использовались разные методы работы с источниками: от контент- и дискурс-анализа до визуального метода. В его основе находится модель, предложенная Э. Панофски и существенно усовершенствованная И. В. Нарским и рядом других исследователей (см.: [Щербачева 2011; Нарский 2008]).

Научным направлением, в рамках которого возможно создание надежной теоретической конструкции, необходимой для изучения образов И. В. Сталина и Мао Цзэдуна, является историческая имагология. Данный подход нацелен на реконструкцию представлений о «другом» и его культуре, исследование этнических, национальных, географических, внешнеполитических, инкультурных образов и стереотипов.

В настоящий момент востребованы исследования, касающиеся истории формирования и особенностей «имиджей» восточных стран в России и на Западе» [Лукин 2004; Левин 2020].

Мы исходим из того, что образ Китая является порождением не только внутриво-

литической и международной конъюнктуры, но и собственного ментального мира и социокультурного «багажа» российско-советского общества [Curanović 2012; Wishnick 2017; Malinova 2018]. Использование методов исторической имагологии позволило достоверно реконструировать образы лидеров СССР и КНР в изображении прессы.

Образы лидеров: качественные и количественные составляющие

И. В. Сталин и Мао Цзэдун: частота упоминаний

Контент-анализ текстов и иллюстративных дополнений к ним определил две основные группы сюжетов. Первую образуют тексты о Мао или его изображения, а вторая посвящена совместным упоминаниям лидеров двух стран (см. табл. 1). Тематическая детализация повествований показала механизмы трансляции советско-китайского альянса, способы его персонификации, контексты упоминаний и изображений И. В. Сталина и Мао Цзэдуна. Восприятие читателя помещалось в определенные фреймы, обусловленные строгой иерархией образов, не допускающие «поводов» для их нарушения.

Таблица 1. Частота текстовых упоминаний и изображений И. В. Сталина и Мао Цзэдуна («Огонек» 1949 – январь–март 1953 гг.)

[Table 1. Mentions of Stalin and Mao Zedong published by *Ogonyok* in 1949 – January–March 1953]

Лидеры	1949	1950	1951	1952	1953	Итого
И. В. Сталин	1	–	3	3	4	11
И. В. Сталин и Мао Цзэдун	12	29	31	21	26	119
Мао Цзэдун	18	41	33	30	31	153

Образы И. В. Сталина и Мао Цзэдуна

Тематически сюжеты, содержащие совместные текстовые или визуальные упоминания об И. В. Сталине и Мао Цзэдуне, распределены следующим образом:

советско-китайская дружба; Сталин как мудрый наставник и мыслитель, учитель китайских коммунистов; совместные изображения лидеров двух глав государств (см. табл. 2).

Таблица 2. Тематическое распределение сюжетов о И. В. Сталине и Мао Цзэдуна в журнале «Огонек» (1949–1953 гг.)
 [Table 2. Topics of stories about Stalin and Mao Zedong published in the *Ogonyok* (1949–1953)]

Тематика сюжетов и изображений Мао Цзэдуна и И. В. Сталина	1949	1950	1951	1952	1953	Итого
Советско-китайская дружба (в том числе межгосударственное сотрудничество, совместная борьба за мир, обмена и т. д.)	8	8	11	9	14	50
Сталин как учитель, друг китайского народа и миротворец	4	7	10	4	3	28
Изучение Китая, популяризация китайской культуры в СССР	–	9	5	2	3	19
Совместные изображения И. В. Сталина и Мао Цзэдуна	–	3	3	4	2	12
Выражение признательности китайцев И. В. Сталину	–	2	2	2	2	8
Траур по И. В. Сталину	–	–	–	–	2	2

Образ политических лидеров в контексте этих сюжетов отображал иерархию взаимоотношений между государствами. Это иллюстрировалось картинками, которые подчеркивали идеологические источники победы, одержанной Коммунистической партией Китая, указывали на эмоциональную связь между народами, выраженную в благодарности и признательности китайцев:

Каждый китаец прекрасно понимает, что без Советского Союза, без его могучей моральной поддержки китайский народ не смог бы одолеть своих врагов. Вот почему портрет товарища Сталина украшает фанзу китаец! Вот почему имя товарища Сталина — самое дорогое имя в каждой трудовой китайской семье. Вот почему каждый китайский патриот бережет, как зеницу ока, нерушимую дружбу с великим советским народом [В свободном Китае 1949: 9].

В способах описания советско-китайской дружбы важное место занимали тексты, акцентирующие, с одной стороны, безусловное единство двух вождей, а с другой — подчеркивающие определенную иерархию. И. В. Сталин предстал как «мудрый учитель», наделенный выдающимися

аналитическими способностями и задолго предсказавший появление КНР [Великая победа 1950: 2; Славная годовщина 1950: 2; Всепобеждающая сила 1951: 4; Тридцать лет 1951: 2; Успехи 1951: 6; Беседа о Цзинганшане 1953: 2]. Такая композиция служила маркером управляемости процессов, их протекания в едином историческом и политическом русле.

Мудрый сталинский анализ вооружил китайских коммунистов, Коммунистическая партия Китая во главе с верным учеником Ленина и Сталина привела китайский народ к победе [Тридцать лет 1951: 2].

Описания публичных действий легитимировали эту иерархию и добровольное признание лидерства «старшего товарища»:

Всякий раз, когда упоминались имена И. В. Сталина и Мао Цзэ-дуна¹, весь зал вставал и устраивал овации. Мао Цзэ-дун поднимался и долго аплодировал, когда называлось имя учителя и друга

¹ Здесь и далее по тексту написание имени лидера КНР дается авторами так, как в источниках.

всех тружеников земли товарища Сталина. Он поднимался и тогда, когда овация возникала в его честь, но старался как можно скорее опуститься на свое место, давая этим знак к прекращению аплодисментов [Праздник дружбы 1953: 18].

Китайской стороной широко заимствовались советские управленческие практики позднего сталинизма [Kaple 2016]. Пропаганда уделяла немало внимания созданию и закреплению концепта «ученичества». Трансляция этих представлений начиналась с политических лидеров и в дальнейшем проецировалась на народные массы. Широко распространился жанр плакатов, на которых изображен советский человек, передающий свое знание китайцу (агроном, врач, инженер, профессор и др.) [Samoylov 2020: 375–378].

Визуальные материалы о личной встрече И. В. Сталина и Мао Цзэдуна задавали ограниченный набор художественных решений: простая двухфигурная композиция, герои либо пожимают друг другу руки в знак дружбы, многозначительно смотрят вдаль, либо ведут беседу, как на картине Д. Налбандяна «Великая дружба» (1950 г.). Однако значительно чаще статьи и материалы о советско-китайских отношениях сопровождались публикацией отдельных портретов.

В материалах «Огонька», посвященных И. В. Сталину и Мао Цзэду, воплотилась общая тенденция советского дискурса 1930–1950-х гг., в котором переход к социализму выражался в различных формах борьбы, противостояния и преодоления. Им придавали положительные интерпретации, трактовали как нормы советского бытия и тем самым маркировали «правильный» путь развития не только СССР, но и его союзников, в частности, коммунистического Китая.

Эти образы использовались как средство мобилизации и упорядочения коллективного сознания граждан. Так выражались основные действия по привлечению широкой общественности к конструированию границ между «своими» и «чужими», обозначению круга «друзей», формированию и наполнению социальных идентичностей, а

также повседневных практик и отношений. Положительные образы лидеров двух государств не являлись основополагающими в презентации советско-китайской дружбы, но их наличие давало возможность поддерживать легитимность партийных руководителей. Позитивный имидж власти строился на персонификации, признании ее в качестве носителя общественно значимых ценностей и принципов: справедливости, эффективности в достижении поставленных целей, компетентности, постоянной заботе о благосостоянии трудящихся и др.

Нельзя забывать, что в массовом сознании населения СССР фигура вождя воспринималась как неотъемлемая составляющая не только внутренней политики (см.: [Gill 1980]), но и международных отношений. Это касалось круга друзей, в который вошел Китай. В образе лидера КНР, его отношениях с И. В. Сталиным закреплялись и воспроизводились установки советско-китайской дружбы. Для ее риторического выражения характерны высокая эмоциональная окрашенность дружеских чувств (братство, любовь, преданность и т. д.), указание на колоссальный охват участников («все 475 млн китайцев желают дружить с советским народом»), отсутствие каких-либо границ, культурных языковых препятствий для ее поддержания, общемировое значение союза Китая и СССР («трудящиеся всех стран связывают с ним свои лучшие надежды»). Эти установки транслировались в нарративах и изображениях, публиковавшихся на страницах «Огонька» [В новом Китае 1949: 7; Великая победа 1950: 2; Славная годовщина 1950: 2; Во имя мира 1952: 4–5].

Образы Мао Цзэдуна или сага о том, как он изменил Китай

Тематически сюжеты «Огонька» о Мао распределены так: описания и визуальные изображения лидера КНР, в том числе не привязанные к текстам, рассказы о социалистических преобразованиях в стране и борьбе за освобождение Китая, «новое» искусство (см. табл. 3). В соответствии с традициями советской политической культуры эпохи сталинизма в образе Мао Цзэдуна персонифицировались китайский народ, коммунистическая партия, достигнутые ими успехи и одержанные победы.

Таблица 3. Тематическое распределение сюжетов о Мао Цзэдуэ
в журнале «Огонек» (1949–1953 гг.)
[Table 3. Topics of stories about Mao Zedong
published in the *Ogonyok* (1949–1953)]

Тематика сюжетов и изображений	1949	1950	1951	1952	1953	Итого
Изображения Мао Цзэдуэ	2	4	9	9	10	34
Социалистическое строительство в Китае (развитие сельского хозяйства, промышленности, инфраструктуры и т. д.)	5	13	7	4	5	34
Китайское искусство (литература, театр, кино, живопись и др.) и спорт	2	6	8	6	4	26
Борьба за освобождение китайских территорий (подвиги героев Народно-освободительной армии Китая, участие китайских добровольцев в Корейской войне)	3	6	3	2	3	17
Мао Цзэдуэ в общении с китайцами и советскими представителями	1	3	2	2	4	12
Развитие образования и науки в Китае	1	4	1	3	1	10
Эксплуатация в «старом» Китае (Гоминьдан, помещики, империалисты)	2	2	1	2	1	8
Изучение российской / советской культуры в Китае	1	2	-	1	2	6
Провозглашение (годовщина создания) КНР	1	1	2	1	1	6

Мао Цзэдуэ не сразу стал заметной фигурой советского официального дискурса. Его имя на страницах «Огонька» впервые встречается только в октябрьском номере 1949 г. [В свободном Китае 1949: 9].

Умолчание объясняется тем, что еще в августе 1945 г. советская сторона подписала договор о дружбе и союзе с правительством Чан Кайши. Признавая важность произведений, выполненных в жанре революционного плаката и лубка, для понимания многих процессов, происходивших в Китае, редакция журнала «Огонек» в № 46 за 1949 г. опубликовала несколько работ под общим названием «Китайский революционный лубок». Среди них: работы художников Хун По «Народ провожает добровольцев, вступивших в ряды Народно-освободительной армии», Ши Чжань «Под Новый год. Население подносит подарки бойцам Народно-освободительной армии», Мо По «Крестьяне восстают против своего угне-

тателя-помещика» и др. В опубликованных изображениях упоминания о Мао Цзэдуэ не встречались до определенного момента.

Приход к власти коммунистов и образование КНР направили усилия советских медиа на конструирование образа лидера нового социалистического государства. По мере нарастания политического веса и роли Мао Цзэдуэ его образ стал все чаще тиражироваться в информационном пространстве. На обложке и специальных вкладках «Огонька» неоднократно появлялись его персональные и совместные с И. В. Сталиным портреты. Но чаще это были изображения, интегрированные в сюжеты плакатов, лубков, фотографий, посвященных каким-либо событиям. Так читателю демонстрировалась значимость символического присутствия лидера в публичной жизни китайцев. Учитывая неграмотность значительной части населения, художники уделяли много внимания изображению на своих

полотнах жизни нового Китая. Так в № 40 за 1952 г. был размещен знаменитый пропагандистский плакат художника Ань Линя «Под руководством Мао Цзэдуна, вперед!» [Массовое искусство 1952: 7].

Важнейшей задачей для советских изданий являлось знакомство аудитории с лидером Китая. Причем его следовало представить как давно и хорошо известного в СССР коммуниста, верного ученика В. И. Ленина и И. В. Сталина. Риторические клише, описывающие внешность, характер, манеру общения Мао Цзэдуна, традиционно использовались для презентации советских вождей и дружественных деятелей. Благодаря им, перед читателями предстал простой и скромный, но при этом величественный и сильный человек, проникнутый судьбой своего народа, с юных лет посвятивший всю жизнь беззаветному служению его счастью [Тридцать лет 1951: 2; Испытанный вождь 1951: 11–12; Я вступил 1951: 13–14; Я был 1952: 7].

Этот понятный советской аудитории образ лидера Китая скоро дополнился новыми чертами: провидением, непобедимостью, способностью принимать верные решения и заботиться о каждом китайце. Так, в песне «Заря на востоке», опубликованной на страницах журнала «Огонек» в 1950 г., Мао Цзэдун выступал как великий спаситель народа [Литература и искусство 1950: 7]. А в рассказе, стилизованном под притчу, он предстал почти как божество, которое прожило тысячи лет и «приходит на помощь, когда китайский народ попадает в беду» [Десять тысяч 1952: 12].

Героизация лидера дружественной страны сопровождалась сюжетами о военном противостоянии коммунистов Китая с империалистами Запада, Японии и силами Гоминьдана. Эта борьба и победа в ней выступала важной несущей конструкцией репрезентаций КНР. Центральная роль здесь отводилась Мао Цзэдуну [Беседа о Цзинганшане 1953: 2]. Для солдат НОАК он являлся вдохновителем и моральным регулятором борьбы [Китай сегодня 1950: 14–15].

Высок моральный облик китайских солдат. Они свято чтут боевые заповеди Мао Цзэ-дуна о поведении в походе, при встречах с населением... И мы были свидетелями, как свято выполняли револю-

ционные солдаты наказы своего вождя [Победа 1950: 27].

Начиная с 1950 г. «Огонек» ежегодно публиковал тематические номера о Китае, обычно приуроченные к годовщинам заключения договора о дружбе, союзе и взаимной помощи (1950 г.) и провозглашению КНР. Наряду с этим на страницах журнала формировался образ заинтересованного советского читателя. Так аудитория получала не только «правильные» представления и оценки китайских событий, но и образцы их восприятия.

Председатель колхоза... захватил с собой свежую газету, рассказал, какие статьи сегодня напечатаны, спросил, о чем хотят послушать. Всех интересовал китайский вопрос. Долго читали и обстоятельно обсуждали обзор событий в Китае... [По слову партии 1949: 4].

Социалистические преобразования в Китае являлись одним из основополагающих сюжетов в советском дискурсе. Содержательно эти тексты формировали у читателя идеологически выверенное впечатление о стране, вступившей на путь коммунистического строительства. Это достигалось сравнением процессов в Китае с тем, что уже осуществил СССР: знакомая советскому человеку «картина создания нового мира» [Письмо из Китая 1951: 13].

Единство пути обуславливалось общими целями исторического развития двух стран и восприятием советского опыта, обучением китайцев у лидера социалистического лагеря. Неотъемлемыми частями этого нарратива стали колоссальный масштаб, впечатляющая динамика и позитивный характер преобразований, сопровождавшихся подъемом трудового энтузиазма населения в Китае.

Фундаментальное значение для сюжетов о социалистическом переустройстве Китая имело представление о руководящей роли КПК и Мао Цзэдуна. Именно их усилиями обеспечивались эти «изменения к лучшему и развитие страны по счастливому пути».

Я видел, как 70-летний старик привел внучку в школу. Он просил директора

принять ее. «Это первый случай в моей семье за три поколения. Теперь другие времена — оставьте ее учиться в школе». Директор школы согласилась. Дедушка подошел к портрету председателя Мао Цзе-дуна и сказал: «Это он нам дал» [В новой 1952: 16].

На начальном этапе советско-китайской дружбы литература, кино, живопись и театр презентовали советскому человеку коммунистический Китай [Дружба навеки... 2018]. В масштабных преобразованиях духовной сферы китайского общества всячески подчеркивалась руководящая роль партии и Мао Цзэдуна [Литература и искусство 1950: 7; Гравюра Китая 1950: 25; Четвертое поколение 1951: 26–27; Праздник китайско-го 1951: 27].

Приведем отрывок из интервью балерины Чен Тицин во время Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Берлине в 1951 г.

В 1942 г. наш вождь Мао Цзе-дун поставил большие задачи перед работниками искусства. Я отправилась вглубь страны искать и изучать народные танцы. Раньше у нашего народа были танцы, в которых запечатлелись печаль и горе. Теперь в Китае много бодрых и радостных танцев. Они рассказывают о счастье победы и мирного труда [Мы мечтою 1951: 10].

Искусство воспевало антиимпериалистическую борьбу и подвиги героев, социалистические преобразования и счастливую жизнь простого народа в освобожденной стране, неизменно акцентируя внимание на роли КПК и ее вождя [В свободном Китае 1949: 9].

Оно справедливо рассматривалось как «мощное средство воспитания и объединения», действенный инструмент «революционного и пропагандистского аппарата» [Слуга народа 1951: 24; Ефимов 1957: 24].

Бурное развитие в послевоенном Китае получили и такие направления массового искусства, как лубки и агитационные плакаты [Финогенов 1950; Муриан 1958].

Праздничная коммеморация традиционно рассматривается историками как важнейший элемент формирующих идентич-

ность практик и средство конструирования коллективных представлений [Рольф 2009: 15]. Поэтому принципиальную роль в презентациях «большой дружбы» играли описания торжеств, связанных с годовщинами образования КНР, КПК, НОАК и др. Сюда относятся и фундаментально значимые для всего социалистического мира события — Великая Октябрьская Социалистическая революция, 1 мая, юбилеи В. И. Ленина и И. В. Сталина. Их освещение было нацелено на формирование общей идентичности, знаменовало интеграцию Китая в советское политическое и культурное пространство, приобщало читательскую аудиторию «Огонька» к коммеморативным ритуалам советско-китайской дружбы.

Выводы и новые исследовательские вопросы

Персонификация образов двух государств в фигурах Мао Цзэдуна и И. В. Сталина сформировала позитивное отношение к основному союзнику, легитимировала лидирующие позиции СССР в советско-китайском взаимодействии. Роль Мао Цзэдуна в глубоких преобразованиях жизни китайского общества призвана была показать верность модели развития самого Советского Союза. Добровольная готовность следовать «сталинским шаблонам» служила маркером управляемости этих процессов.

Образы Иосифа Сталина и Мао Цзэдуна, представленные на страницах журнала «Огонек» в 1949–1953 гг., сыграли важную роль в трансляции советским людям представлений о новом стратегическом союзнике СССР в Азии, появившемся после Второй мировой войны. Они учитывали культурно-исторические традиции восприятия Китая, которые сформировались в СССР в предшествующий период, и видоизменялись под воздействием актуальных советско-китайских отношений. «Партийный аспект» образов И. В. Сталина и Мао Цзэдуна оказался «вытеснен» на второй план, благодаря образам государственных деятелей.

Полученные результаты поставили перед авторами и другими научными коллективами ряд исследовательских проблем. Во-первых, как происходило конструирование и деконструкция образов Китая в советское время? Во-вторых, как формировался образ Китая в информационном про-

странстве стран социалистического лагеря вне прямого контроля со стороны Кремля? В-третьих, как накопленный ранее истори-

ческий background и стереотипы повлияют на изменения российско-китайских отношений в дальнейшем?

Источники

- Великая победа 1950 — Великая победа // Огонек. 1950. № 2. С. 2.
 В свободном Китае 1949 — В свободном Китае // Огонек. 1949. № 42. С. 9.
 В новом Китае 1949 — В новом Китае // Огонек. 1949. № 40. С. 7.
 Всепобеждающая сила 1951 — Всепобеждающая сила Ленинизма // Огонек. 1951. № 4. С. 4.
 Беседа о Цзинганшане 1953 — Беседа о Цзинганшане // Огонек. 1953. № 6. С. 2.
 Во имя мира 1952 — Во имя мира и дружбы народов // Огонек. 1952. № 49. С. 4–5.
 В новой 1952 — В новой китайской школе // Огонек. 1952. № 22. С. 16.
 Гравюра Китая 1950 — Гравюра Китая // Огонек. 1950. № 16. С. 25.
 Десять тысяч 1952 — Десять тысяч лет Мао Цзе-Дуну // Огонек. 1952. № 40. С. 11–12.
 Испытанный вождь 1951 — Испытанный вождь китайского народа // Огонек. 1951. № 27. С. 11–12.
 Китай сегодня 1950 — Китай сегодня // Огонек. 1950. № 8. С. 14–15.
 Литература и искусство 1950 — Литература и искусство свободной страны // Огонек. 1950. № 2. С. 7.

Sources

- Achievements of Chinese nation. *Ogoniok*. 1951. No. 40. P. 6. (In Russ.)
 As instructed by Party. *Ogoniok*. 1949. No. 36. P. 4. (In Russ.)
 Battle-tested leader of Chinese nation. *Ogoniok*. 1951. No. 27. Pp. 11–12. (In Russ.)
 China today. *Ogoniok*. 1950. No. 8. P. 14–15. (In Russ.)
 Conversation about Jingtangshan. *Ogoniok*. 1953. No. 6. P. 2. (In Russ.)
 Engraving prints of China. *Ogoniok*. 1950. No. 16. P. 25. (In Russ.)
 Feast of China's cinematic art. *Ogoniok*. 1951. No. 42. P. 27. (In Russ.)
 Feast of friendship. *Ogoniok*. 1953. No. 1. P. 18. (In Russ.)
 Fourth generation. *Ogoniok*. 1951. No. 14. Pp. 26–27. (In Russ.)

- Массовое искусство 1952 — Массовое искусство // Огонек. 1952. № 40. С. 7.
 Мы мечтаю 1951 — Мы мечтаю о мире живем // Огонек. 1951. № 32. С. 10.
 Победа 1950 — Победа китайского народа // Огонек. 1950. № 40. С. 27.
 По слову партии 1949 — По слову партии // Огонек. 1949. № 36. С. 4.
 Праздник дружбы 1953 — Праздник дружбы // Огонек. 1953. № 1. С. 18.
 Праздник китайского 1951 — Праздник китайского киноискусства // Огонек. 1951. № 42. С. 27.
 Письмо из Китая 1951 — Письмо из Китая // Огонек. 1951. № 4. С. 13.
 Славная годовщина 1950 — Славная годовщина // Огонек. 1950. № 40. С. 2.
 Слуга народа 1951 — Слуга народа // Огонек. 1951. № 41. С. 24.
 Тридцать лет 1951 — Тридцать лет героической борьбы // Огонек. 1951. № 27. С. 2.
 Успехи 1951 — Успехи китайского народа // Огонек. 1951. № 40. С. 6.
 Четвертое поколение 1951 — Четвертое поколение // Огонек. 1951. № 14. С. 26–27.
 Я был 1952 — Я был на Пекинском конгрессе // Огонек. 1952. № 44. С. 7.
 Я вступил 1951 — Я вступил в коммунистическую партию // Огонек. 1951. № 27. С. 13–14.

- Glorious anniversary. *Ogoniok*. 1950. No. 40. P. 2. (In Russ.)
 Great Victory. *Ogoniok*. 1950. No. 2. P. 2. (In Russ.)
 I joined Communist Party. *Ogoniok*. 1951. No. 27. Pp. 13–14. (In Russ.)
 I was in Beijing Congress. *Ogoniok*. 1952. No. 44. P. 7. (In Russ.)
 In free China. *Ogoniok*. 1949. No. 42. P. 9. (In Russ.)
 In name of peace and friendship between nations. *Ogoniok*. 1952. № 49. S. 4–5. (In Russ.)
 In new China. *Ogoniok*. 1949. No. 40. P. 7. (In Russ.)
 In new China's school. *Ogoniok*. 1952. No. 22. P. 16. (In Russ.)
 Invincible power of Leninism. *Ogoniok*. 1951. No. 4. P. 4. (In Russ.)
 Letter from China. *Ogoniok*. 1951. No. 4. P. 13. (In Russ.)

- Literature and arts of liberated nation. *Ogoniok*. 1950. No. 2. P. 7. (In Russ.)
- Peace be our single dream and aspiration. *Ogoniok*. 1951. No. 32. P. 10. (In Russ.)
- Popular art. *Ogoniok*. 1952. No. 40. P. 7. (In Russ.)
- Servant of people. *Ogoniok*. 1951. No. 41. P. 24. (In Russ.)
- Ten Thousand Years to Mao Zedong. *Ogoniok*. 1952. No. 40. S. 11–12. (In Russ.)
- Thirty years of heroic struggle. *Ogoniok*. 1951. No. 27. P. 2. (In Russ.)
- Victory of Chinese people. *Ogoniok*. 1950. No. 40. P. 27. (In Russ.)

Литература

- Галенович 2009 — *Галенович Ю. М.* Сталин и Мао. Два вождя. М.: Восточная книга, 2009. 576 с.
- Гулева 2015 — *Гулева М. А.* «Руки прочь от Китая!»: китайские друзья и враги на страницах журнала «Крокодил» (1922–1950 гг.) // Общество и государство в Китае. 2015. Т. 45. № 2. С. 706–729.
- Дружба навеки 2018 — Дружба навеки: очерки истории сотрудничества Советского Союза и Китайской Народной Республики (1949–1960 гг.) / отв. ред. И. В. Турицын. М.: НИИ ИЭП, 2018. 250 с.
- Ефимов 1957 — *Ефимов Н.* Киноискусство стран народной демократии, Л.: О-во по распр. полит. и науч. знаний РСФСР, 1957. 50 с.
- Клинова, Трофимов 2020 — *Клинова М. А., Трофимов А. В.* Советский руководитель: реконструкция образа по материалам журнала «Крокодил» (1953–1964 гг.) // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2020. № 2. С. 131–146.
- Левин 2020 — *Левин Я. А.* Провозглашение КНР: реакция американской прессы // Научный диалог. 2020. № 12. С. 262–270.
- Литовская, Янь 2019 — *Литовская М. А., Янь Д.* «Гоминьдановская клика» и «уродский СССР»: образы врага в советской и тайваньской политической карикатуре 1940–1950-х гг. // Уральский исторический вестник. 2019. № 3. С. 99–107.
- Лукин 2004 — *Лукин А. В.* Образ Китая в российском общественном сознании: преемственность и эволюция // Полис. 2004. № 6. С. 70–88.
- Муриан 1958 — *Муриан И. Ф.* Современный китайский лубок. М.: Гос. изд-во совр. изобр. иск-ва. 1958. 110 с.
- Нарский 2008 — *Нарский И. В.* Проблемы и возможности интерпретации семейной фотографии (на примере детской фотографии 1966 г. из г. Горький) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск: Каменный пояс, 2008. С. 55–74.
- Павлюкевич 2011 — *Павлюкевич Р. В.* Китай — от «жертвы милитаристов» до «брата пролетария» (эволюция образа Китая в советских СМИ. 1946–1953 гг.) // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2011. № 2 (7). С. 117–124.
- Рольф 2009 — *Рольф М.* Советские массовые праздники. М.: РОССПЭН, 2009. 439 с.
- Руцинская 2020 — *Руцинская И. И.* «И. В. Сталин читает письмо В. И. Ленина»: визуальные нарративы в советском изобразительном искусстве 1930–1950-х гг. // Диалог со временем. 2020. № 1. С. 219–234.
- Федосов 2017 — *Федосов Е. А.* «Вперед к великой цели!»: образ СССР и Китая в агитационных плакатах 1940-х – 1960-х гг. // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 136–144.
- Финогенов 1950 — *Финогенов К.* В новом Китае. М.: Гос. изд-во «Искусство», 1950. 84 с.
- Щербакова 2011 — *Щербакова Е. И.* Визуальная история: освоение нового пространства // Исторические исследования в России – III. Пятнадцать лет спустя. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 473–488.
- Curanović 2012 — *Curanović A.* Why don't Russians fear the Chinese? The Chinese factor in the self-identification process of Russia // Nationalities Papers. 2012. Vol. 40. Iss. 2. Pp. 221–239.
- Chen 2004 — *Chen T. M.* Internationalism and Cultural Experience: Soviet Films and Popular Chinese Understandings of the Future in the 1950s. // Cultural Critique. 2004. No. 58. Pp. 82–114.
- Gill 1980 — *Gill G.* The Soviet Leader Cult: Reflections on the Structure of Leadership in the Soviet Union // British Journal of Political Science. 1980. Vol. 10. Iss. 2. Pp. 167–186.
- Gnoinska 2018 — *Gnoinska M.* Promoting the 'China Way' of communism in Poland and beyond during the Sino-Soviet Split: the case of Kazimierz Mijal // Cold War History. 2018. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 343–359.
- Heinzig 2015 — *Heinzig D.* The Soviet Union and Communist China 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance. Armonk (New York): M. E. Sharpe publ., 2015. 488 p.
- Jersild 2011 — *Jersild A.* The Soviet State as Imperial Scavenger: «Catch Up and Surpass» in the Transnational Socialist Bloc, 1950–1960 // The American Historical Review. 2011. Vol. 116. No. 1. Pp. 109–132.

- Jersild 2018 — *Jersild A.* Socialist exhibits and Sino-Soviet relations, 1950–60 // *Cold War History*. 2018. Vol. 18. Iss. 3. Pp 275–289.
- Kaple 2016 — *Kaple D.* Soviet Advisers and High Stalinist Management in China, 1949–1960 // *Journal of Cold War Studies*. 2016. Vol. 18. Iss. 1. Pp. 5–30.
- Li 2019 — *Li J.* Gained in translation: The reception of foreign cinema in Mao's China // *Journal of Chinese Cinemas*. 2019. Vol. 13. Iss. 1. Pp. 61–75.
- Li 2011 — *Li M.* Ideological dilemma: Mao's China and the Sino-Soviet split, 1962–63 // *Cold War History*. 2011. Vol. 11. Iss. 3. Pp. 387–419.
- Marku 2020 — *Marku Y.* Communist Relations in Crisis: The End of Soviet-Albanian Relations, and the Sino-Soviet Split, 1960–1961 // *The International History Review*. 2020. Vol. 42. Iss. 4. Pp. 813–832.
- Malinova 2018 — *Malinova O.* Russian Identity and the «Pivot to the East» // *Problems of Post-Communism*. 2018. Vol. 66. Iss. 4. Pp. 227–239.
- Morgan 2017 — *Morgan K.* International Communism and the Cult of the Individual: Leaders, Tribunes and Martyrs Under Lenin and Stalin. London: Palgrave, 2017. 363 p.
- Pantsov, Levine 2012 — *Pantsov A. V., Levine S. I.* Mao: The Real Story. New York: Simon & Schuster, 2012. 784 p.
- Samoylov 2020 — *Samoylov N.* Visual Images of the Soviet Union and the West in China (1950s – 1960s) // *Chinese Perceptions of Russia and the West. Changes, Continuities, and Contingencies during the Twentieth Century*. Heidelberg; Berlin: CrossAsia-eBooks, 2020. Pp. 365–387.
- Shen, Yafeng 2011 — *Shen Z., Yafeng X.* The Great Leap Forward, the People's Commune and the Sino-Soviet Split // *Journal of Contemporary China*. 2011. Vol. 20. Iss. 20. Pp. 861–880.
- Urbansky, Trecker 2018 — *Urbansky S., Trecker M.* Kremlinology revisited: the nuances of reporting on China in the Eastern bloc press // *Cold War History*. 2018. Vol. 18. Iss. 3. Pp. 307–324.
- Wang 2000 — *Wang E.* Between Marxism and Nationalism: Chinese historiography and the Soviet influence, 1949–1963 // *Journal of Contemporary China*. 2000. Vol. 23. Iss. 9. Pp. 95–111.
- Wishnick 2017 — *Wishnick E.* In search of the «Other» in Asia: Russia–China relations revisited // *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. Iss. 1. Pp. 114–132.

References

- Chen T. M. Internationalism and cultural experience: Soviet films and popular Chinese understandings of the future in the 1950s. *Cultural Critique*. 2004. No. 58. Pp. 82–114. (In Eng.)
- Curanović A. Why don't Russians fear the Chinese? The Chinese factor in the self-identification process of Russia. *Nationalities Papers*. 2012. Vol. 40. No. 2. Pp. 221–239. (In Eng.)
- Efimov N. Cinematic Art in Liberated Democracies. Leningrad: RSFSR Society for Political and Scientific Awareness, 1957. 50 p. (In Russ.)
- Fedosov E. A. 'Forward to the great aim!': the image of the USSR and China in propaganda posters of 1940–1960s. *Tomsk State University Journal of History*. 2017. No. 48. Pp. 136–144. (In Russ.)
- Finogenov K. In New China. Moscow: Iskusstvo, 1950. 84 p. (In Russ.)
- Galenovich Yu. M. Stalin and Mao: The Two Leaders. Moscow: Vostochnaya Kniga, 2009. 576 p. (In Russ.)
- Gill G. The Soviet leader cult: reflections on the structure of leadership in the Soviet Union. *British Journal of Political Science*. 1980. Vol. 10. No. 2. Pp. 167–186. (In Eng.)
- Gnoinska M. Promoting the 'China Way' of communism in Poland and beyond during the Sino-Soviet Split: the case of Kazimierz Mijal. *Cold War History*. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp. 343–359. (In Eng.)
- Guleva M. A. 'Hands off China': Chinese friends and foes in 'Krokodil' magazine (1922–1950). *Society and State in China*. 2015. Vol. 45. No. 2. Pp. 706–729. (In Russ.)
- Heinzig D. The Soviet Union and Communist China, 1945–1950: The Arduous Road to the Alliance. Armonk (New York): M. E. Sharpe Publ., 2015. 488 p. (In Eng.)
- Jersild A. Socialist exhibits and Sino-Soviet relations, 1950–60. *Cold War History*. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp 275–289. (In Eng.)
- Jersild A. The Soviet state as imperial scavenger: 'catch up and surpass' in the transnational Socialist bloc, 1950–1960. *The American Historical Review*. 2011. Vol. 116. No. 1. Pp. 109–132. (In Eng.)
- Kaple D. Soviet advisers and high Stalinist management in China, 1949–1960. *Journal of Cold War Studies*. 2016. Vol. 18. No. 1. Pp. 5–30. (In Eng.)
- Klinova M. A., Trofimov A. V. Soviet leader: reconstruction of the image according to the journal 'Crocodile' (1953–1964). *Perm University Herald. History*. 2020. No. 2. Pp. 131–146. (In Russ.)

- Levin Ya. A. Proclamation of the PRC: reaction of the American press. *Nauchnyi dialog*. 2020. No. 12. Pp. 262–270. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2020-12-262-270
- Li J. Gained in translation: the reception of foreign cinema in Mao's China. *Journal of Chinese Cinemas*. 2019. Vol. 13. No. 1. Pp. 61–75. (In Eng.)
- Li M. Ideological dilemma: Mao's China and the Sino-Soviet split, 1962–63. *Cold War History*. 2011. Vol. 11. No. 3. Pp. 387–419. (In Russ.)
- Litovskaya M. A., Yan D. The 'Kuomintang Clique' and the 'ugly USSR': images of the enemy in Soviet and Taiwan political caricature of the 1940-1950s. *Ural Historical Journal*. 2019. No. 3. Pp. 99–107. (In Russ.)
- Lukin A. V. The image of China in Russian social thought: continuity and evolution. *Polis*. 2004. No. 6. Pp. 70–88. (In Russ.)
- Malinova O. Russian identity and the 'pivot to the East'. *Problems of Post-Communism*. 2018. Vol. 66. No. 4. Pp. 227–239. (In Russ.)
- Marku Y. Communist relations in crisis: the end of Soviet-Albanian relations, and the Sino-Soviet split, 1960–1961. *The International History Review*. 2020. Vol. 42. No. 4. Pp. 813–832. (In Eng.)
- Morgan K. International Communism and the Cult of the Individual: Leaders, Tribunes and Martyrs Under Lenin and Stalin. London: Palgrave, 2017. 363 p. (In Eng.)
- Murian I. F. Cheap Woodcuts of Contemporary China. Moscow: State Publishing House for Fine Arts, 1958. 110 p. (In Russ.)
- Narsky I. V. Problems and possibilities of interpreting family photograph: a case study of 1966 children's photos from Gorky. In: History Manifested. Problems of Russia's Visual History, 20th Century. Chelyabinsk: Kamennyi Poyas, 2008. Pp. 55–74. (In Russ.)
- Pantsov A. V., Levine S. I. Mao: The Real Story. New York: Simon & Schuster, 2012. 784 p. (In Eng.)
- Pavlyukevich R. V. China's characterization — from 'the militarists' victim' to 'the proletarians' brother' (evolution of China's image in the Soviet mass media in 1946–1953). *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'Political Science and Religion Studies'*. 2011. No. 2 (7). Pp. 117–124. (In Russ.)
- Rolf M. Soviet Mass Festivals. Moscow: ROSSPEN, 2009. 439 p. (In Russ.)
- Rutsinskaya I. I. 'Joseph Stalin reads a letter from Vladimir Lenin': visual narratives in the Soviet art of the 1930s–1950s. *Dialogue with Time*. 2020. No. 1. Pp. 219–234. (In Russ.)
- Samoylov N. Visual images of the Soviet Union and the West in China (1950s – 1960s). In: Chinese Perceptions of Russia and the West. Changes, Continuities, and Contingencies during the Twentieth Century. Heidelberg; Berlin: Cross-Asia-eBooks, 2020. Pp. 365–387. (In Eng.)
- Shcherbakova E. I. Visual history: embracing new spaces. In: Russia's Historical Studies – III. Fifteen Years Later. Moscow: AIRO-XXI, 2011. Pp. 473–488. (In Russ.)
- Shen Z., Yafeng X. The Great Leap Forward, the People's Commune and the Sino-Soviet Split. *Journal of Contemporary China*. 2011. Vol. 72. No. 20. Pp. 861–880. (In Eng.)
- Turitsyn I. V. (ed.) Friendship Forever. Cooperation between the Soviet Union and the People's Republic of China, 1949–1960: Historical Essays. Moscow: Research Institute of History, Economics and Law, 2018. 250 p. (In Russ.)
- Urbansky S., Trecker M. Kremlinology revisited: the nuances of reporting on China in the Eastern bloc press. *Cold War History*. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp. 307–324. (In Eng.)
- Wang E. Between Marxism and Nationalism: Chinese historiography and the Soviet influence, 1949–1963. *Journal of Contemporary China*. 2000. Vol. 23. No. 9. Pp. 95–111. (In Eng.)
- Wishnick E. In search of the 'Other' in Asia: Russia–China relations revisited. *The Pacific Review*. 2017. Vol. 30. No. 1. Pp. 114–132. (In Eng.)

